

УДК 808.5:811

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КУРАТОРИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**А. П. Пересыпкин***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
peressypkin@bsu.edu.ru*

Статья посвящена теоретическому обоснованию нового подхода к решению проблемы организации оптимального коммуникативного высказывания с выделением аналитического комплекса исследования речевого акта, именуемого лингвистической кураторией.

Ключевые слова: риторика, прагматика, речевой акт, энергеальное языкознание, лингвистическая куратория, лингвистика текста.

Из истории риторики известно, что основными терминами в области функционирования языка являются «этос», «пафос», и «логос». Первым из них принято называть условия, которые получатель речи предлагает ее отправителю. Эти условия распространяются на время, место, сроки ведения речи. Тем самым определяется часть содержания речи, по меньшей мере, ее тема, которую получатель может полагать уместной или неуместной. Неуместную речь получатель высказывания всегда вправе отклонить. При этом главным критерием уместности является именно тема речи, при том условии, что время, место и сроки коммуникации согласованы между ее участниками.

Пафосом традиционно обозначается намерение, замысел создателя речи, который стремится развить перед собеседником определенную интересующую его тему. Пафос всегда ограничивается категорией этоса с одной стороны, то есть может реализоваться только в пределах условленного места и времени. Другим ограничением пафоса выступают вербальные средства, которыми располагает отправитель речи для установления контакта с собеседником.

Логосом именуется словесные средства, использованные отправителем высказывания в рамках конкретной речи при реализации ее замысла. Логос категорично требует использовать для воплощения замысла такие вербальные средства, адекватное понимание которых стало бы доступным получателю речи.

Таким образом, этос выступает базисным условием для речи, пафос – является источником создания смысла речи, логос выступает словесным воплощением пафоса на условиях этоса.

Выделение комплекса факторов, оказывающих влияние на структуру и содержание речевого высказывания, оптимального в рамках конкретной коммуникативной ситуации, при наличии весьма продолжительной истории этой проблемы можно обнаружить и в настоящее время.

Так, Н. В. Бардина [1996] препринимает попытку модифицировать приведенную античную классификацию с позиций конфигуративно-энергеального направления исследования единиц речевого потока. Основанием для модификации явились «четыре связанных между собой постулата:

«Постулат 1. Наука о языке как неотъемлемом атрибуте человека возможна только в сфере релятивного антропоцентризма, что предполагает рассмотрение языка как панобъекта, покрывающего три реальности: мир тел, мир духа и мир человека. Адекватности в определении языка, следовательно, можно достигнуть, лишь выйдя из смежное гносеологическое пространство.

Постулат 2. Мир идеального представляет собой сложную динамическую полисистему общечеловеческих, национально-культурных, социальных и личностных стереотипов отражения и актуальной ориентации человека в окружающем мире, циклическую гармонию в разной степени объективированных феноменов.

Постулат 3. Научный анализ сферы идеального возможен лишь постольку, поскольку она принципиально материализуема.

Постулат 4. С позиций антропоцентризма язык представляет собой систему гармонизации субъективного сознания упорядочивающего сопряжения индивидуального и социализированного отражения. Именно язык дает возможность осознать себя как *Homo sapiens*, включая его в систему себе подобных» [1, с. 3].

Признание автором гармонизирующей способности языка содержательным основанием системы привело его к принятию следующих принципов моделирования: «энергеальность (от введенного Аристотелем в научный обиход термина энергеий 'становление сущности предмета'), конфигуративность (от латинского *configuratio* 'совместное представление') и функциональность.

Принцип энергеальности – это принцип описания языка как соединения изменчивого и стабильного, как движение от идеального к материальному и наоборот» [1, с. 4].

В соответствии с этим принципом, который представляет собой один из вариантов преодоления известной дихотомии Ф. де Соссюра, Н. В. Бардина выделяет «три составляющие языка силы: номос (греч. 'закономерность, лад, напев'), типос (греч. 'отпечаток') и праксис (греч. 'судьба', 'свершение')» [1, с. 4].

По мнению автора, «к номосу можно отнести принципы перцептивного (основанного на непосредственном восприятии материального мира), когнитивного (строящегося на вторичной языковой реальности) и коммуникативного отражения... Типос – система личностных стереотипов языкового отражения... Соединение номоса, типоса и актуального восприятия реальности становится возможным благодаря праксису – акту типизации отражаемого фрагмента мира, «подгонки» его под известные стереотипы лингвальной диакретизации [1, с. 4].

Очевидно, что Н. В. Бардина, выделяя свои три категории языкового описания, лишь в некоторой степени отклоняется от античного представления о «движущих силах» функционирования языковой системы. Новым можно признать лишь определенную «глобализацию» проблемы, расширяющую диапазон языковых исследований от номоса – возможностей, «которые даются всему человечеству» [1, с. 4], до типоса (личностных стереотипов). Более того, теория стереотипов входит в противоречие с представлением сторонников синергетики. К примеру, Г. Хакен утверждает, что «...построение семантики требует высокой степени кооперативности внутри системы и повторного взаимодействия с внешним миром. В этом отношении семантическая информация является не статическим свойством, а процессом, в котором контексты и их соответствие проверяются, усиливаются или отбрасываются снова и снова.... Сознание правильнее считать не статическим состоянием, а процессом, в ходе которого информация непрерывно передается между различными частями мозга и многократно в них обрабатывается.

Очень часто предполагается, что поступающий образ сравнивается с некоторыми шаблонами. Но хранение шаблона потребовало бы весьма большого количества информации. Следовательно, можно представить себе картину в духе синергетики и считать, что только наиболее характерные отличительные черты хранятся в виде параметров порядка и могут быть в случае необходимости вызваны для воссоздания целиком всего образа во всех деталях» [8, с. 52 – 53].

Поиск иных комплексных категорий языковых исследований можно обнаружить в работе [6]. Авторы концентрируют свое внимание не на общей проблеме языка, а на одном из направлений его исследования – лингвистической прагматике. После анализа частных аспектов этого направления они отмечают, что «для общей теории прагматики... приемлема категория *презюмпта*. При этом мы исходим из принятого в правоведении понятия презюмции, как предположения о существовании факта, который считается истинным до тех пор, пока не доказана его ложность. Исходя из этого, под прагматическим презюмptom предлагается понимать любое коммуникативно

значимое и грамматически верно оформленное высказывание, адекватно воспринимаемое реципиентом в сложившейся ситуации общения... В нашем понимании презумпт может учитывать любые, нормативные и окказиональные, проявления успешного речевого общения. С другой стороны, эта категория полностью согласуется с отмеченным еще Г. Хельбигом спектром возможных выражений одного и того же явления в конкретном коммуникативном акте» [6, с. 192].

Из приведенного определения презумпта не совсем ясно, какие конкретно факторы, оказывающие влияние на успешность языкового коммуникативного акта, комплексно формируют эту категорию. Кроме того, следовало бы указать на то, что подобные категориальные единицы предлагались неоднократно и ранее для частных исследований языка в его функциональной сфере. Скажем, для прагматического анализа текста как основной единицы прагматики была предложена такая категория, как «*прагматема*, под которой следует понимать завершенную речевую последовательность, однозначно идентифицирующую определенный сегмент отображаемой внеязыковой действительности с точки зрения места, времени, участников события, авторской модальности» [7, с. 15 – 16].

Действительно, «коммуникация осуществляется через текст, а не через предложение или другие единицы более низкого уровня. Важно при этом то, что этот рефлекслируемый смысл существует на фоне сложной сети ассоциативных связей и богатой системы коннотаций, которые, с одной стороны, затемняют рефлекслируемые компоненты смысла, а с другой – позволяют реконструировать этот смысл. Такая постановка вопроса не оригинальна. Однако при его решении исследователи впадают в одну из двух крайностей.

Одна из них связана с обращением к простейшим высказываниям бытовой речи, когда предлагаемые специализированные процедуры воспринимаются как излишние. Однако в этом случае удастся сконструировать ту основу, которая служит базой для моделирования сложных ситуаций. Принципиально при этом то, что при таком подходе предполагается функционирование тех же механизмов, которые присущи и простейшим ситуациям.

Вторая крайность при решении обсуждаемой проблемы проявляется в обращении к текстам, которые включены в крайне неопределенную коммуникативную ситуацию и отличаются большой сложностью структуры. Это беллетристика, сакральные, фольклорные и некоторые другие тексты. Сам материал в данном случае зачастую ведет к расплывчатости и даже «невразумительности» исследования, порождает сильную зависимость результатов исследования от ценностных ориентаций и вкуса исследователя, которые остаются не эксплицированными» [9, с. 4 – 5].

Последнее утверждение дает особый стимул к поиску категории, релевантной изучению параметров порождения и восприятия текстов художественной беллетристики на основе анализа частных коммуникативных ситуаций. По нашему мнению, таковой может выступать *лингвистическая куратория*. Этот термин вводится впервые, поэтому требует развернутого пояснения. В его основу положено латинское слово *curator* «тот, кто наблюдает за ходом определенной работы или иным процессом». Словарные материалы немецкого языка указывают на исходное значение «представитель, опекун» и связывают существительное с глаголом *curare* („Sorge tragen“, „sorgen um“) – «опекать, заботиться».

Изначально по-латыни слово *curator* означало легального представителя умиротворенных [4]. В современном мире слово *куратор* используется во многих областях деятельности: говорят о кураторе академической группы (он же тьютор), курирующем врача, кураторе того или иного направления в деятельности банка, биржевой и инвестиционной деятельности, предприятия, политической организации и т. п. Однако наибольшее значение фигура куратора приобрела в области современного искусства.

Куратор не просто технически организует выставки, работу музея или иные арт-проекты, но и является соавтором, так как именно он определяет актуаль-

ность той или иной темы, активно сотрудничает с авторами, помогая им воплощать их идеи и проекты. Сфера деятельности куратора зависит от масштабности проекта. В современном искусстве куратор чаще всего выступает как организатор художественного процесса в рамках конкретного проекта. Куратор создает общую концепцию проекта, разрабатывает стратегию его развития, собирает группу художников под выбранную концепцию и организует условия для воплощения проекта в том или ином виде (публикации, выставки, мастер-классы и т. д.) [11].

Несколько в ином ракурсе содержание этого термина представлено в «Викизнание»: «Куратор (лат.) – попечитель. При учреждении московского университета (1755 г.) поставлены были два куратора в качестве защитников и ходатаев университета перед верховной властью. Впоследствии название это присвоено попечителям учебных округов. В Германии кураторами назывались должностные лица, приставленные к университетам в видах осуществления той части карлсбадских постановлений, которая была направлена против высших учебных заведений. Ныне кураторы – должностные лица, служащие посредствующей инстанцией между министерством и университетами; существуют при прусских и некоторых других германских университетах».

Выбор опорного члена предлагаемого термина обусловлен компонентом значения «посредствующая инстанция», поскольку лингвистическая куратория в нашем представлении выступает посредником между замыслом высказывания и его речевой реализацией в конкретной коммуникативной ситуации. Предлагаемый подход определяется содержанием прагматического направления в языкознании. Для пояснения этого обстоятельства обратимся к пространной выдержке из работ В. В. Богданова: «Исходным для... понимания прагматики будет представление о том, что любое речевое произведение – устное или письменное – является компонентом некой совместной деятельности людей, в силу чего речевое произведение выполняет некоторую практическую функцию. Эта функция и будет квалифицироваться как прагматика в широком смысле. Очевидно, что при таком понимании прагматика может выявляться только в ходе некоторого междисциплинарного исследования, в центре которого будет анализ соответствующего вида деятельности».

В каждом виде деятельности с помощью как вневингвистических, так и лингвистических средств можно вычленишь речевые (коммуникативные) акты. В этих актах участвуют коммуниканты – два или более: один выступает как автор сообщения, а другой (другие) – как реципиент, адресат, слушатель. Между коммуникантами существуют определенные отношения: субординации, эквивалентности и т. д., – однако в любом случае есть асимметрия между автором как отправителем сообщения и реципиентом как его получателем. Предметом собственно лингвистического анализа является текст письменного или устного сообщения, особенности организации его языка. Вместе с тем для прагматики существенно то, какие действия, перлокутивные эффекты производит данное речевое произведение» [2].

На инструментальный характер языка в деятельностном аспекте неоднократно указывал и Г. Хельбиг [12]. В этом смысле язык-инструмент ничем особым (кроме подвижности функциональных элементов) не отличается от любого инструментального орудия. Если, грубо говоря, обратиться к примеру перекапывания грядки, то человек станет выбирать тип лопаты, руководствуясь особенностями почвы, размерами черенка, условиями погоды и пр., то есть кураторией между замыслом перекапывания и выбором орудия труда будет именно комплекс факторов, приведенных выше. В языковой деятельности кураторией будет выступать наличие замысла высказывания (в эллинской трактовке – пафос; типос – в понимании Н. В. Бардиной), коммуникативная ситуация (этнос у эллинов, праксис у Н. В. Бардиной), собственная языковая компетенция, языковая компетенция коммуниканта, иллокутивный и локутивный акты, перлокутивный эффект и пр. Собственно весь этот далеко не полный набор факторов (поскольку каждая из названных категорий языкового общения имеет сложную структуру) и соединяется в единую панкатеорию – лингвистическую кураторию, которая и

«диктует» выбор лингвистических средств общения. В этом смысле лингвистическая куратория косвенным образом сопрягается с известной гипотезой Сепира-Уорфа о влиянии языка на сознание его носителей. Кроме того, справедливость выделения этого феномена в известной степени подтверждается нейрофизиологическими исследованиями деятельности человеческого мозга при восприятии речевого высказывания. Об этом свидетельствует опыт специальной лаборатории Лейпцигского института им. Макса Планка:

«Группой, возглавляемой Ангелой Фридрици, установлены три основных фазы понимания высказывания. На первой, занимающей 160 миллисекунд, – мозг анализирует грамматическую структуру предложения. «Тысячекратно повторяясь, грамматическая информация постепенно образует замкнутую систему. Мозг превращает это знание, так сказать в hardware, чтобы больше над ним не задумываться», – так Фридрици объясняет поразительно высокую скорость первой фазы. Зато обращение к внутреннему словарю происходит не так быстро. Значения слов анализируются на второй фазе уже 200 – 600 миллисекунд. На третьей фазе в течение 700 миллисекунд идет взаимная подгонка значений слов и структуры предложения. Если система находит ошибку, процесс анализа начинается с начала. Пример «сбоя» в анализе иллюстрируется следующим примером: «Мы предлагаем испытуемым выслушать предложения и измеряем мозговые токи... Возьмем типичное начало предложения "Он сел на..." Далее все ждут существительного, скажем, "стул". Вместо него мы подставили глагол "стал": "Он сел на стал". Идея была в том, чтобы спровоцировать мозг на возмущение. Эксперимент удался. Через 160 миллисекунд, еще не распознав значение слова, мозг с повышенной активностью реагировал на ошибку» [5, с. 48].

Далее автор публикации, ссылаясь на высказывание А. Фридрици, сообщает: «Экспериментальные данные дают основание полагать, что синтаксис, грамматика – вот суть языка. Если вообще какая-то часть языка заложена в нейронах, то скорей всего именно эта. Слова, как полагает А. Фридрици, могут выучить и обезьяны, и попугаи. Известно, некоторые ученые полагают, что грамматика – врожденное качество человека, вернее, его мышления. Однако А. Фридрици утверждает, что сама по себе грамматика не врождена, но, несомненно, врожденной является способность усвоить ее как систему правил. Как показало изучение быстроты процесса распознавания, маленькие дети реагируют не так быстро, справляясь с анализом грамматики в среднем за 260 миллисекунд. Отсюда следует постулат о том, что грамматике мы учимся так же, как езде на велосипеде. Наступает момент, когда мы больше не задумываемся о структуре языка, а просто им пользуемся. Более того, результаты экспериментов дают А. Фридрици основание для довольно категоричного утверждения: «Для меня очевидно, что именно синтаксис отличает человеческий язык от других коммуникативных систем. Но распознавание синтаксических структур происходит как раз совершенно бессознательно. Если же мы заявляем, что человек обладает сознанием потому, что использует язык, а главное, что отличает язык, бессознательно, то здесь что-то не сходится» [5, с. 49].

Перспектива дальнейших исследований функциональной стороны языка с использованием комплексов-лингвистических кураторий, на наш взгляд, может пролить свет на то, что «здесь не сходится». Более того, эти исследования должны сделать уклон на отправителя высказывания и соотнести показатели с параметрами деятельности его получателя.

Список литературы

1. Бардина Н. В. Конфигуративно-энергетические единицы речевого потока / Н. В. Бардина // Семантика языковых единиц: Доклады V Международной конференции. – М.: Физкультура, образование и наука, 1996. – Т.1. – С. 3 – 5.
2. Богданов В. В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 88 с.
3. Богданов В. В. Текст и речевое общение / В. В. Богданов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1993. – 68 с.

4. Дёготь Е. Письмо из Нью-Йорка: глоток дауншифтинга [Электронный ресурс] // Екатерина Дёготь. – OpenSpace.Ru. – 21.09.2011. URL: <http://www.openspace.ru/art/projects/89/details/30360/page2/> (дата обращения: 20.10.2011).
5. Зенткер А. По следам языка: Нейрофизиолог Ангела Фридеричи / А. Зенткер. // Deutschland (Германия): Политика, экономика, наука. – № 5, 1997. – С. 46 – 49.
6. Прохоров В. Ф., Кравчук Л. С. Презумптивное направление в прагматике / В. Ф. Прохоров, Л. С. Кравчук. // Нова філологія – Вып.46. – Запоріжжя: ЗНУ, 2011. – С. 189 – 192.
7. Прохорова Т. Н. Реализация прагматического потенциала современного русского языка в жанрах газетной журналистики / Т. Н. Прохорова: дис. ... д-ра. филол. наук. – Белгород, 2003. – 352 с.
8. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам: Пер. с англ. / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – 240 с.
9. Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Семиотика описательных текстов: Типологический аспект / С. В. Чебанов, Г. Я. Мартыненко. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. – 424 с.
10. Викизнание: Куратор [Электронный ресурс] URL: <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/Куратор> (дата обращения: 21.10.2011).
11. Википедия: Куратор [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%90%D0%92%D0%9E%D0%9A%D0%93%D0%90%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%90> (дата обращения: 21.10.2011).
12. Helbig G. Studien zur deutschen Syntax / G. Helbig. – Bd. 2. – Leipzig: Enzyklopädie, 1984. – 211 S.

LINGUISTIC CURATORIA (TO THE PROBLEMATIZATION)

A. P. Peresykin

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
peressypkin@bsu.edu.ru*

The given article is devoted to theoretical grounds of a new approach solving a problem of optimal communicative utterance and single out an analytical complex of a speech act research which can be called as linguistic curatoria.

Key words: rhetoric, pragmatics, speech act, energeal linguistics, linguistic curatoria, linguistic of text.